

Светлана Алешина

За тех, кто в морге

Часть сборника

За тех, кто в морге (сборник)

Светлана Алешина
За тех, кто в морге
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001853

*Алешина С. В. За тех, кто в морге. Нервы на пределе: Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-007480-8*

Аннотация

Мужчина, пожелавший остаться неизвестным, сообщил Ольге Бойковой, главному редактору газеты «Свидетель», что городской цирк служит перевалочной базой для киллеров. Они, маскируясь под артистов, исчезают из города и делают свою «работу». Решив поближе познакомиться с обстановкой в цирке, журналистка принимает приглашение знакомого адвоката посетить совещание членов Магического клуба. Вот тут-то и начались фокусы. Один из магов и фокусников приглашает Ольгу и ее секретаршу принять участие в цирковом номере. И обе девушки «исчезают», провалившись в подвал здания...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Светлана Алешина

За тех, кто в морге

Глава 1

А начиналось-то все нормально и без фокусов. Фокусы, причем самые настоящие, начались потом.

В этот вечер я уже собиралась домой, даже уже сумку свою закрыла, как зазвонивший телефон заставил мою Маринку сперва шепотом выругаться, а потом, после того как она подняла трубку, – с преувеличенной любезностью выпросить у звонившего мужчины, что ему угодно в столь неурочный час.

А угодна ему оказалась я, что приятно уже само по себе, но звучит озадачивающе, если звонит незнакомец.

– Отказался представиться, – доложила мне Маринка, входя в кабинет, – но сказал, что у него к тебе важный деловой разговор. Будешь говорить?

– Конечно, – ответила я, закуривая, и попыталась пофилософствовать. – Если мужчина обещает важный разговор, то, возможно, там действительно будет что послушать.

– Ха! – воскликнула Маринка. – Если ты фантазируешь по поводу того, что тебя позовут замуж, – даже и не мечтай, они сами на такие разговоры не идут! Уж я точно знаю!

Удивленно подняв брови, я посмотрела на Маринку.

Про замужество я вообще-то не думала. Ну в том смысле, что не думала в связи с этим звонком, а вот у моей подруги, похоже, появился на эту тему бзик.

Рановато что-то, ей же еще лет тридцать до пенсии, если я правильно посчитала.

Сняв трубку своего телефона, на который Маринка переключила входящий звонок, я представилась, как обычно это делала:

– Главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга Юрьевна.

Маринка не ушла из кабинета, а неизвестно с какого перепуга решила продемонстрировать совершенно не присущий ей аккуратизм и бросилась поливать цветы на подоконнике.

Я даже догадываться не стала, зачем ей это понадобилось, и занялась разговором.

– Хотелось бы передать вам важную информацию, касающуюся одного из криминальных каналов по доставке в наш город известного товара из Средней Азии, – произнес в трубке приятный мужской голос и замолчал, ожидая моей реакции.

– Вы говорите про наркотики? – уточнила я, прекрасно и сама это понимая, но мне требовалось подтверждение.

Разговаривая по телефону с незнакомым человеком, обещающим нечто потрясающее, всегда нужно помнить об опасности напороться либо на психа, либо на хулигана, занятого

нехитрыми развлечениями.

Заранее никогда ничего не угадаешь, но в процессе разговора можно будет сделать кое-какие выводы.

Однако я поспешила с выводами и ошиблась в сути.

– Нет-нет, – сказал мой собеседник, – о наркотиках я ничего не знаю и знать не хочу. Я хотел бы передать вам информацию о наемных убийцах для ее дальнейшего продвижения.

– Насколько доказательна ваша информация? – спросила я, поглядывая на Маринку, полившую уже один цветок и занявшуюся следующим.

Если анонимы мне станут названивать так часто, хотя бы даже раз в день, – абзац моим цветочкам, сгниют от переедания.

– У меня очень качественный материал, – ответил мужчина, – но я почему-то не слышу заинтересованности в вашем голосе. Или эта тема вас не интересует?

– Нет-нет, – быстро ответила я. – Готова встретиться с вами в любое время. Даже сейчас, если вы будете настаивать. Хоть мы уже собираемся расходиться по домам, могу задержаться и подождать вас.

Маринка, услышав эти слова, повернулась ко мне и покрутила пальцем у виска.

– Ма-ньяк! – громко прошептала она. – Не соглашайся. Нахмурившись, я не ответила.

Однако с моим предложением неизвестный собеседник не

согласился.

– Так не пойдет, – твердо сказал он. – У меня есть причины опасаться встреч с... с некоторыми людьми. Предлагаю встретиться на нейтральной территории. Например, в парке около Татищевского музея. Вас это устроит?

– И когда же? – спросила я, не видя в этом предложении ничего угрожающего.

Татищевский музей располагался в центре города на старинной площади, разделяющей музей и помпезное здание областной администрации.

Условившись о времени встречи, я повесила трубку, почему-то подумав о том, что если бы музей не был отделен от здания администрации, то смотрелся бы рядом с ним весьма жалким родственником.

– Неужели пойдешь? – спросила Маринка, сразу потеряв интерес к флоре моего кабинета.

– А как же! – ответила я. – Иных путей добывания материалов еще не придумано. Правда, можно еще перепечатывать статейки из других газет, но это путь не для нас.

Маринка подумала и заявила, что пойдет со мною и, задумчиво почесав кончик носа, пошутила:

– Хочу лично убедиться, что мне будет некому возвращать твой лиловый костюм...

– Который ты у меня взяла два месяца назад, сказав, что только на один вечер, – кивнув, подхватила я. – Такое впечатление, что ты живешь на Северном полюсе. У тебя один

вечер в полгода растягивается.

— К сожалению, я живу в Тарасове, а не на полюсе, — почему-то с трагической слезой в голосе заявила Маринка. — На полюсе, возможно, я была бы лишена общества жестких и черствых людей, которые называют себя моими друзьями, а сами травят и травят меня из-за какой-то пошлой тряпки!

Выпалив эту околесицу, Маринка шмыгнула носом и, задев голову, вышла из кабинета.

Я задумчиво посмотрела ей вслед, подумав, что мой классный костюм, когда я отдавала его Маринке, совсем не был похож на тряпку.

Однако, как говорится, все течет... И снова сняв трубку телефона, пригласила к себе в кабинет Виктора, нашего редакционного фотографа, личность по-своему уникальную и, вне всякого сомнения, человека прекраснейшего.

Отслужив в войсках специального назначения в Афганистане, Виктор не только многому научился в армии, но кое-что и разучился делать.

Став безусловным специалистом по рукопашному бою, он практически перестал разговаривать, превратившись в принципиального молчуна. Однако мы с ним прекрасно понимали друг друга. Наверное, потому, что разговорчивость — вовсе не самое главное мужское достоинство.

Итак, Виктор зашел в кабинет, я кивнула на стул, он присел, и в двух словах изложила суть дела.

Внимательно выслушав меня, он тоже в ответ просто кив-

нул, как всегда делал, откликаясь на любую мою просьбу, и теперь я была спокойна: телохранителем на вечер обеспечена и, что бы ни случилось, Виктор меня защитит и не даст в обиду.

Мы вышли из редакции втроем – я, Виктор и Маринка.

Моя «ладушка» радостно чирикнула мне и отщелкнула замки дверей.

Я передала Виктору ключи вместе с пультом дистанционки и села в свою машину как пассажир. Когда со мною Виктор, я предпочитаю не вмешиваться в его действия и не проявлять инициативу: вся история нашего знакомства свидетельствует о том, что он всегда знает, что делать, и делает все правильно.

Виктор повел «Ладу» к музею, а Маринка сразу же, как только устроилась на сиденье рядом со мною, принялась болтать на очень важную для нее тему – о мужчинах.

Присутствие Виктора ее не стесняло, она научилась относиться к нему как к существу бесполому, чего, впрочем, я никогда не могла понять. Наверное, это происходило потому, что между Маринкой и Виктором существовала какая-то тайна, в которую я еще не была посвящена. Но, полагаю, рано или поздно моя секретарша не удержится и расскажет мне и о ней.

– А какой у него был голос? – спросила Маринка о звонившем. – Тебе не показалось, что он чем-то взволнован или напуган?

– Нет, – ответила я, – не показалось. Он был спокоен.

– Тем хуже, – констатировала Маринка. – Беспокойный псих лучше спокойного. Беспокойного можно всегда вывести из себя. Криком, например...

– Ага, и он тебя сразу же зарежет или укусит, – прокомментировала я.

– Не факт, – возмутилась Маринка. – Ты же была бы уже к этому готова. А вот со спокойным психом – проблема. Никогда нельзя быть уверенным заранее: укусит, зарежет или просто окажется нормальным человеком.

– Тебя послушать, так пусть лучше все окажутся психами, потому что тебе так легче думается, – съязвила я, все еще помня о костюме, обозванном тряпкой: нас не тронь, и мы не тронем.

Маринка уже открыла рот, чтобы начать мне противоречить, но тут оказалось, что мы уже приехали, и я со вздохом облегчения первой вышла из машины.

Встреча с моим неизвестным корреспондентом должна была состояться приблизительно через пять минут на третьей от края лавочке с левой стороны скверика, окружающего Татищевский музей.

Посмотрев в сторону лавочки, я увидела, что она пуста, поэтому решила пока к ней не подходить, а подождать, когда явится назначивший мне встречу мужчина.

Виктор, выйдя из машины, оглядел окрестности и встал у меня за спиной, Маринка же подчеркнуто подозрительно

присматривалась к каждому прохожему и даже не поленилась заглянуть в «девятку», подъехавшую и вставшую рядом с «Ладой».

Стекла «девятки» были тонированными, но стекло дверцы водителя было опущено. Водитель, взлохмаченный очкарик неопределенного возраста, протяжно зевнул в пространство, выбросил на улицу окурок сигареты и развернул газету.

До встречи оставалось две минуты, и я решила идти к лавочке.

– Пора, что ли? – спросила меня Маринка, продолжая подозрительно оглядываться на прохожих.

Эти двое появились почти одновременно.

При желании подозрительными можно было объявить обоих. Женщина примерно тридцати – тридцати пяти лет шла со стороны административного здания и несла в руках большой черный полиэтиленовый пакет. Ей навстречу двигался мужчина, державший в руках такой же пакет, только белый.

Проследив за Маринкиным взглядом – сначала на женщину, потом на мужчину, – я шепотом съехидничала:

– Обрати внимание, подружка, пакеты у них разные по цвету, но одинаковые по размеру. Не иначе, как сейчас на наших глазах произойдет встреча двух резидентов иностранной разведки.

Но на наших глазах произошло нечто совсем другое.

Когда женщине оставалось дойти до нас три или четыре шага, она, вдруг охнув, поскользнулась и упала, выронив пакет из рук.

Виктор подскочил к ней и протянул руку.

– Спасибо, – произнесла женщина, постаралась встать, но снова присела и повисла на его руке.

В этот момент я услышала, как сзади хлопнула дверца машины.

Оглянувшись, я только и успела заметить, как из остановившейся рядом с моей «Ладой» «девятки» выскочил лохматый мужчина, и едва открыла рот, как он прямо в лицо брызнул мне какой-то гадостью, и я почувствовала, что против своей воли, с ходу, начинаю засыпать.

Ну, может быть, и не совсем засыпать, но по крайней мере у меня все закружилось перед глазами, а сами глаза начали закрываться. Мужчина подхватил меня и, словно мешок, кинул на заднее сиденье своей машины. Последнее, что я видела, была спина Виктора, копошащегося над упавшей женщиной, и Маринку с полуоткрытым ртом, с немым ужасом глядящую на меня.

Вот так всегда и бывает: когда не нужно, она просто достает своими рассказами, а в пиковой ситуации даже не может догадаться крикнуть. Подруга называется!

Похитивший меня мужчина заскочил на водительское сиденье и ударил по газам. Я упала на бок на заднем сиденье «девятки» и поняла, что лучшего для меня места нет и быть

не может, поэтому закрыла глаза и расслабилась. Все было отлично...

Вялая дурь, напавшая на меня, стала проходить так же быстро, как и налетела. Покачив головой, я попыталась сесть, опираясь левой рукой на сиденье.

– Все нормально, Ольга Юрьевна, – не оборачиваясь, сказал водитель.

Я поймала его веселый взгляд в зеркале заднего обзора. Мне показалось даже, что водитель мне подмигнул.

– Что нормально? – спросила я, собирая мозги в кучу.

– Мне нужно было с вами переговорить с глазу на глаз, а вы явились с целой свитой сопровождающих. Не волнуйтесь, пожалуйста, сейчас через парочку поворотов я остановлюсь, изложу вам свое дело и потом подвезу, куда скажете. Похищать вас я не собираюсь!

Я уложила в голове все, что мне было сказано, и как-то сумела сесть более-менее ровно. Судя по пейзажам, проплывающим за окнами «девятки», мы ехали в сторону Волги в направлении грузового порта. Невзирая на миролюбивые слова моего похитителя, ехать с ним мне не очень-то хотелось. Скорее всего меня не устроила форма приглашения, поэтому я потянулась к ручке двери, чтобы открыть ее и тем самым заставить водителя остановить машину.

– Прекратите немедленно! – крикнул он, видя мой маневр. – Вы что, не понимаете нормального обращения?

Он резко повернул машину влево, потом вправо и, нажав

на педаль тормоза до отказа, остановил ее.

Я вовремя подняла руки, изо всех сил вцепившись в спинку переднего сиденья, и только благодаря этому не лязгнула зубами об эту спинку.

Водитель обернулся, и я наконец-то рассмотрела его.

Это был мужчина лет пятидесяти с длинными седыми патлами, свисавшими по плечам. Прическу дополняли густые длинные усы и большие очки в толстой оправе. Все это создавало настолько броский образ, что невольно заставило меня подумать о маскировке.

– Так что же вы хотели мне сообщить? – стараясь говорить спокойно, произнесла я и, не обращая внимания на начинавшуюся беседу, снова потянулась к ручке дверцы. Маринкины разглагольствования о психах мне почему-то хорошо запомнились.

– Наш городской цирк служит перевалочной базой для киллеров из Средней Азии, – глядя мне в глаза, заговорил водитель. – Это не только азиаты, но и европейцы. Они прибывают сюда и потом разъезжаются по нужным направлениям для выполнения своих заданий. Киллеры маскируются под артистов и исчезают на короткие сроки, делая свою работу. Потом опять возвращаются в город и выезжают из него как ни в чем не бывало. Самый главный в этом деле...

Мой собеседник неожиданно замолчал и, резко отвернувшись от меня, надавил на педаль газа. Именно в этот момент распахнулась дверца, и я вывалилась наружу. А «девятка»

рванула вперед. Я едва успела отскочить от дороги, готовясь бежать и дальше, если потребуется, но тут увидела причину того, почему мой похититель так неожиданно прервал разговор: моя «Лада» с Виктором за рулем, свистнув тормозами, остановилась почти напротив меня, и из нее выскочила Маринка, потом, как всегда не торопясь вышел Виктор.

И в самом деле, куда спешить-то? Мой взлохмаченный информатор уже скрылся, выронив меня по дороге.

– Ты как? – закричала Маринка, привлекая запоздалое внимание прохожих, и так уже заинтересованно поглядывающих на меня. – Что он тебе сделал? Не молчи! Ты живая?!

Последний вопрос я не смогла проигнорировать и, кивнув, сказала то, что мне казалось самым правильным:

– Кажется. А ты как думаешь?

Маринка открыла рот и тут же его закрыла – видимо, начала думать.

– Ну, а об остальном я спрошу тебя потом, – многообещающе посулила моя секретарша, и они с Виктором, обступив меня, как тяжело больную, повели к машине.

Я не сопротивлялась: хочется людям поухаживать, ну так ради бога, кто был бы против!

– Что он сказал? – сразу пристала ко мне Маринка, едва мы сели в машину и тронулись с места.

Потянув время, я закурила и быстро пересказала свой разговор с неизвестным. Скрывать было нечего, потому что поняла и узнала я, к сожалению, слишком мало.

– Вранье! – тут же заявила Маринка, еле дослушав меня до конца. – Все вранье, он хотел чего-то другого! Что это вообще за чушь: киллеры караванами перебрасываются в наш цирк, оттуда мчатся по своим делам... А потом возвращаются обратно в цирк, что ли? Непонятно все это! Слишком сложно. Что же, киллеры целым потоком, что ли, ездят?

Я поймала взгляд Виктора в зеркале заднего обзора и спросила:

– А ты как думаешь, похоже на правду или нет?

Он пожал плечами, и я решила отложить разговор до завтрашнего приезда на работу. Общее совещание обычно помогает разобраться в сути вещей. Или запутать его еще больше.

Мы подъехали к моему дому, и Виктор вопросительно взглянул на меня.

– Кажется, нападений быть не должно, – сказала я. – К тому же никто просто не поверит, что после того, что случилось, я осталась дома одна без охраны.

Виктор проводил меня до квартиры, а потом уехал, предварительно поставив «Ладу» под моими окнами на ее обычное место.

Глава 2

Утро, обыкновенное и даже рутинное утро, обрушилось на меня Маринкиными возгласами в кухне – ей, видите ли, показалось, что убегает кофе, и она, прежде чем посмотреть на плиту, предпочла сначала заорать, что для нее весьма характерно.

Я еще не сказала, что Маринка ночевала у меня?..

Услышав, что мой будильник уже разоряется и сейчас она примчится ко мне с дурацкими словами, что уже пора вставать, потому что мы уже опоздали, не успели, и если я не встану, то...

Я даже поморщилась от таких форс-мажорных перспектив, сползла с дивана, закуталась в халат и зашлепала в ванную, не найдя даже одну из тапочек – так спешила избавиться от очередного утреннего наезда Маринки.

– Ты уже встала, Оль? – крикнула она мне, выглядывая с кухни. – Давай быстрее, нехорошо руководству задерживаться, мы и так уже...

Не дослушав знакомый до изжоги рефрен, я заперлась в ванной и резко открыла оба крана на максимум. Лучше уж шум воды, чем Маринкины поучения с утра пораньше.

Душ меня не освежил. Я давно заметила: если просыпаясь не по собственному желанию, то уже ничего не поможет – считай, день пропал сразу.

Скучно позавтракав и молча покивав головой какому-то очередному Маринкиному рассказу, я наконец-то дождалась того момента, когда можно будет ехать на работу – Маринка в машине немного притормаживает свою болтливость. Наверное, боится попасть в аварию и прикусить свой длинный язык.

Зима в этом году хоть и не напугала пока еще чересчур низкими градусами, но все-таки была достаточно холодной, чтобы любая машина, а уж тем более моя, получила уважительный повод для демонстрации недостатков своего характера. Как и можно было предположить, моя «Лада» по причине отрицательных температур отказалась заводиться сразу и потребовала нескольких минут прогрева двигателя, что в общем-то дело обычное, но она еще никогда так не капризничала. Я ждала, пока она прочихается да прокашляется, и грустно думала о том, что же мне делать с «ладушкой».

Вот когда начинает капризничать Маринка, мне ясно, как она от этого излечивается, и я даже могу предсказать и метод, и сроки исцеления. От начала Маринкиных капризов до срочной завязки ею нового романа проходит обычно от двух дней до одной недели. Если поиски лекарства – оно же и лекарь – растягиваются до недели, то жарко становится уже не только мне, но и всей редакции газеты. Зато когда потом следует моментальное превращение Маринки из брюзгливой мымыры в розового мягкого пупсика, счастливо наслаждаются покоем все.

Но это все-таки Маринка, а вот как поступить с «Ладой»? Дать ей пару ночей постоять рядом с навороченным «БМВ» или просто масло сменить?

Пока я размышляла на эту тему, моя машинка наконец-то завелась и дернулась, что означало ее безусловное желание начать работать.

– Поехали, ты что тормозишь-то? – подтолкнула меня в локоть Маринка. – Мы уже и так опоздали, а нам еще в одно место нужно заехать!

Я тронула «Ладу» с места и, заинтересовавшись последним замечанием Маринки, спросила:

– Что-то я не помню, что нам куда-то еще было нужно заезжать, кроме редакции. Разговора не было.

– А я тебе разве не сказала за завтраком? – удивилась Маринка.

И пусть я ее не видела, потому что смотрела прямо перед собой на дорогу и не мотала головой из стороны в сторону, как это делают безответственные граждане, но была уверена на все сто, что, когда моя Мариночка задала этот вопрос, она очень удивленно и совершенно неестественно захлопала своими глазками, думая, что я нарочно не хочу ничего помнить. На самом же деле она ничего не говорила, а я расстройствами памяти не страдаю.

– Ты мне ничего не говорила! – отдельно и четко произнесла я, решив раз и навсегда в сто первый, наверное, раз быть жесткой и твердой бизнес-вумен и наплевать на все па-

нибратские отношения с личным составом! И нечего меня будить, когда я этого не хочу!

– Нам с тобой еще нужно заехать на Верхний рынок, – примирительно произнесла Маринка. – Там я видела незнакомый сорт кофе «Арабика-маулави». Нигде такого нет, только там. Говорят, вещь потрясающая! И кстати, дорогой, сволочь, но куда ж деваться? Ты ведь еще не пробовала, конечно, «Маулави»?

– И что из того? – спросила я нарочито холодным тоном, но сама против воли заинтересовалась.

Мы проехали в молчании два квартала, и я сдалась, кивком продемонстрировав свою слабость и отход от принятого ранее решения явить миру всю несказанную стервозность своего характера. К сожалению, вынуждена признаться, что это мне далось легко, за что я была наказана, причем очень скоро. Но обо всем по порядку.

Мы подъехали к нашему городскому цирку, и то ли черт меня дернул, то ли воспоминание о вчерашнем происшествии, то ли Маринка своими дурацкими флюидами – а других у нее и быть не может – так повлияла на меня, что я, вместо того чтобы продолжить, как было положено, движение по прямой, решила сэкономить несколько минут: мне не захотелось дожидаться, когда рассосется автомобильная пробка впереди, и я лихо свернула направо, на маленькую улочку, идущую вдоль задней стены цирка. Дорожка здесь была узкой, предназначенной только для одностороннего движения,

и улочка выходила на соседнюю улицу, параллельную той, с которой я так удачно удрала.

Точнее говоря, мне показалось, что я поступила хитро. В самые первые секунды после поворота я пребывала в этом блаженном заблуждении, пока качающийся впереди меня длиннющий «КамАЗ», за которым я, собственно, и свернула, вдруг остановился.

Сперва я подумала, что эта металлическая дура сразу же, ну или почти сразу, начнет движение снова, но оказалось, что ей срочно понадобилось разгружаться. Я тоже затормозила, похвалив себя за предусмотрительное соблюдение дистанции. К «КамАЗу» подбежали несколько грузчиков в зеленых куртках с трафаретными надписями на спинах «Цирк» и быстро распахнули двери кузова. Оказавшись запертой спереди, я оглянулась назад, надеясь побыстрее вырваться из ловушки, в которую сама себя и загнала.

В этот момент я почувствовала резкий удар по машине сзади и успела только взгляд поднять и увидеть, что в мою «Ладу» вписалась зеленая «десятка». Инерция удара толкнула меня вперед, ремни безопасности дернули назад, и я, проглотив свой собственный крик, бессильно повисла, будучи притянутой к спинке сиденья.

Моя Маринка, считавшая ниже своего достоинства фиксироваться какими-то там плебейскими ремнями, стукнулась лобиком в стекло, ойкнула и сползла вниз под сиденье. Как оказалось, это была наилучшая позиция в той ситуации,

которая сложилась вокруг нас.

Из «десятки», так грубо пнувшей меня, выскочили несколько парней с пистолетами и один с автоматом и устроили беспорядочную стрельбу по грузчикам, вытаскивающим узлы и коробки из «КамАЗа». Те предпочли не принимать участия в этом хреновом боевике и бросились кто куда. Из дверей здания цирка выскочили несколько омоновцев, очевидно охраняющих это здание, и тоже повывергивали оружие.

Когда я все это увидела, то постаралась быстро, но тихо сползти вниз, просочившись сквозь ремни, и оказалась на полу «Лады» рядом с Маринкой. Никогда до этого я не думала и не знала, что на полу перед передними сиденьями так много места. Дай бог здоровья нашим конструкторам!

Стрельба закончилась так же резко и внезапно, как и началась. Навалившаяся тишина напугала меня еще больше, чем треск выстрелов. Маринка, похоже, испытала то же самое чувство и срывающимся шепотом спросила у меня:

– Сейчас бомбу бросят?!

Я промолчала, но на всякий случай улеглась поудобней, если так можно сказать. Послышался удаляющийся рев двигателя сзади, и потом все снова стихло.

– Кажется, они уехали, – прошептала я, не решаясь, впрочем, даже поднять голову.

Маринка промолчала, отдавая мне самой право проверить собственное предположение, и тут распахнулись обе перед-

ние дверки моей «Лады» и несколько мужских глоток проорали, как мне показалось, над самым моим ухом:

– Руки вверх! Не шевелиться!

Как будто кто-то собирался!

Сильные руки потянули меня вверх, потом дернули несколько раз, и я очутилась на улице, окруженная целой толпой омоновцев в масках и с автоматами.

– Оружие! Наркотики! Документы! – прорывкали мне, и я только носом повела в сторону своей сумки, как ее уже выхватили с сиденья и распотрошили.

Красная книжка редакционного удостоверения не произвела на бравых вояк никакого впечатления. Меня повернули лицом к машине и ощупали всю, причем довольно-таки грубо. Можно подумать, что таких, как я, этим ребяткам приходится обыскивать по пять раз на дню.

С другой стороны машины на меня смотрела Маринка, с которой поступили столь же бесцеремонно. Блин, кофейку неизвестного ей, видите ли, захотелось, заразе! Ну я ей еще устрою!..

Не знаю, сколько времени продолжалось все это безобразие около цирка, но в какой-то момент к нам подошел молодой парень в штатском и, вернув наши с Маринкой вещички, посоветовал уезжать с этого места, предупредив, что нас как свидетелей еще вызовут для дачи показаний. Пока он нам все это говорил, весь отряд ОМОНа куда-то рассосался, и если бы не ошутимая боль в шее, то можно было подумать, что

мне все это привиделось и прислышалось, но, к сожалению, таких чудес на свете не бывает.

До редакции мы ехали в полнейшем молчании, переполненные впечатлениями и переживаниями. Маринка даже не вспомнила про свою «Арабику-как-ее-там», ради чего, собственно, мне и пришлось поехать именно к цирку, а не сразу на работу.

Когда мы приехали, Маринка поднялась в редакцию, а я немного задержалась рядом с машиной: только сейчас я получила возможность спокойно походить вокруг нее и осмотреть повреждения. Кроме смятого заднего бампера, двух отверстий от пуль в лобовом стекле и царапины на передней левой стойке, никаких повреждений не было заметно. Тяжело вздохнув о тяжелой доле, я тоже пошла на свое рабочее место.

Зайдя в редакцию, я сразу же поняла, что Маринка уже начала обрабатывать общественное мнение. Ромка, стоящий посередине приемной с открытым ртом и горящими глазами, выглядел ну прямо как памятник Христофору Колумбу, запечатленному в тот момент, когда тот узнал, что если он что и открыл, то никак не Индию, – открытый рот, вытаращенные глаза и волосы дыбом. Колумб, одним словом.

– Ольга Юрьевна!.. – воскликнул Ромка и заткнулся, напорвшись на мой мрачный взгляд.

Я поморщилась и посмотрела на Маринку, уже копошащуюся вокруг кофеварки.

– Во сколько это примерно началось? – задал мне вопрос Сергей Иванович, самый старый и опытный сотрудник нашей редакции.

Он сидел за компьютером и, судя по характеру вопроса, уже шлепал статью на тему покушения на главного редактора «Свидетеля». На меня то есть.

– Ой, не помню точно, Сергей Иванович! – отмахнулась я и тут же добавила: – Приблизительно в десять.

– Понятно, – Сергей Иванович опять защелкал кнопками клавиатуры.

Несмотря на некоторую взвинченность, я не смогла не удивиться профессионализму этого человека и тут же укусила свою секретаршу – ее, между прочим, всегда есть за что!

– Вот видишь, Марина! Вместо того чтобы здесь рассуждать про взрывы и пожары, – нудным тоном сказала я, – взяла бы и написала статью про это происшествие. Бери пример с Сергея Ивановича, видишь, он уже пишет.

– А кто будет брать пример с меня? – моментально взъелась на правду Маринка. – Я пришла и, несмотря на нервное, можно сказать, потрясение, вынуждена сочинять не статью, а кофе, причем на всех! Тружусь, как...

– Как пчелка, – с тяжелым вздохом закончила я ее мысль, потому что слышала все это даже не в десятый раз, и отворила дверь своего кабинета.

– Даже хуже, чем пчелка! – прокричала мне Маринка вслед, но я уже закрыла дверь и начала снимать плащ.

Раздевшись и сев в кресло, я первым же делом позвонила своему старинному приятелю Фиме Резовскому. Фима был адвокатом, все рабочее время посвящавшим добыче денежных знаков, а свободное – хобби.

Его хобби была некончившаяся охота за моей благосклонностью – я просто из приличия не хочу употребить именно тот термин, который здесь был бы более подходящ, потому что как раз благосклонность Фима имел, но все, что следовало за нею, – шиш. Причем, как мне кажется, Фима не отчаивался, его увлекал сам процесс. Мне иногда не без оснований казалось, что, если бы Фима добился своей цели, ему было бы просто грустно жить на свете, потерялся бы и смысл, и стимул для этой жизни. А так – все отработано и привычно: в рабочее время – работа, во вне рабочее – хобби. Счастливый человек!

Я дозвонилась до Фимы без сложностей. Секретарша в офисе папы-Резовского, где Фимочка тоже имеет свой стульчик, а может быть, и столик – не знаю, не была, не видела, – уже начала меня узнавать по голосу и соединила с Фимой сразу же, как только я об этом заикнулась. Я почему-то подумала о Маринке, которая даже меня не всегда узнает, когда я звоню на работу, но развить эту мысль не успела, поскольку трубку взял Фима. Я быстро изложила ему все, что со мною и с Маринкой сегодня произошло, и он так же быстро ответил, что окажет мне все услуги в самом полном объеме.

– Ты поняла, Оля? – Фима со значением в голосе повто-

рил: – В самом наиполнейшем!

– Я давно уже поняла, Фимочка, но пока у меня возникла необходимость только в адвокате. То есть, как только меня приглашают в РОВД или куда-то там еще, я звоню тебе?

– Конечно! Конечно! – быстро отреагировал Фима и спросил: – А ты, кстати, знаешь, что в последнее время наши органы начали практиковать приглашения на допросы под вечер и нарочно затягивают их допоздна? Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, чрезмерной перегруженностью оперативных работников, а во-вторых...

– Фима! – взмолилась я. – Я уже все поняла, но мне очень неудобно просить тебя приезжать ко мне домой и с вечера до утра ждать, когда же меня вызовут. Да и места у меня маловато.

– Какие могут быть неудобства между своими людьми? – вкрадчиво спросил Фима. – А много места мне не нужно...

Кое-как закончив разговор с Фимой, я положила телефонную трубку, но тут дверь моего кабинета отворилась и в полном составе ко мне зашла вся редакция. Занятой вид был только у Сергея Ивановича, у остальных – занятный. Маринка – со страдальческим лицом. Ромка, по-моему, так и не сумел закрыть рот, открытый при моем приезде на работу. А Сергей Иванович держал в руках блокнот и шариковую ручку.

– Кофе пить будем? – сурово спросила меня Маринка и, не дожидаясь ответа, то есть действуя, как всегда, начала рас-

ставлять на кофейном столике чашки и блюдца.

Мне оставалось только кивнуть, что я и сделала, заметив, что на мою реакцию никто и внимания не обратил, опять же, наверное, кроме Сергея Ивановича.

– Ольга Юрьевна, – обратился он ко мне на полном официозе, как всегда поступал в пиковые по времени ситуации, – пожалуйста, дайте мне для статьи уточнение, сколько было взрывов, три или все-таки пять, впрочем, я могу написать «несколько», что допустимо... И еще: чеченские боевики-ваххабиты участвовали в этой бойне, так сказать, с вашей стороны или они защищали президентский кортеж, стоящий перед вами?

– Что? – переспросила я, ничего не понимая. – Это вы о чем?

– О господи! – простонала Маринка. – Да все о том же! О чем же еще! О том, как нас с тобой чуть на тот свет не отправили Хаттаб Басаевич или – как его там? – Басай Милошевич, ну, короче, с бородой который!

– Ах, с бородой, – покачала я головой. – Ну да, ну да, с бородой, с одной деревянной ногой, на плече у него сидел попугай, который кричал: «Пиастры! Пиастры!» – а из цирка в это время на парашютах спускалась банда клоунов, и два из них вместо нас с тобой приехали в редакцию и сейчас притворяются один Олей, а другой Мариной...

Ромка хихикнул, Кряжимский опустил очки на кончик носа, а Маринка покраснела, но промолчала.

– Сергей Иванович, сбросьте, пожалуйста, вашу статью мне на дискету, я сама ее подправлю, – попросила я Кряжимского, который почти сразу понял, в чем дело.

Он мне кивнул и вышел из кабинета. Маринка разлила кофе, села на стул и с неудовольствием обозвала меня занудой. Я промолчала и взяла дискету из рук подошедшего Сергея Ивановича.

– Что мы знаем про наш цирк? – задала я вопрос для заправки.

Ромка честно пожал плечами, Маринка сделала вид, что задумалась над моим вопросом, хотя сама наверняка думала о том, какой я скверный товарищ, а Сергей Иванович тихо заметил:

– Во-первых, совершенно не очевидно, что эта история связана с цирком. Во-вторых... – тут Сергей Иванович замолчал, а Маринка решила развозмущаться:

– Ну как же неясно! Пришла машина, и люди из нее что-то выгружали. Причем несли в цирк. Я сама... Мы сами видели! А тут эти киллеры! А помните, что вчерашний придурок говорил?

– Откуда он может помнить? – прервала я Маринку. – Мы же только что встретились!

В двух словах я пересказала Сергею Ивановичу вчерашнее событие. Рот у Ромки раскрылся еще шире, Сергей Иванович, наоборот, нахмурился. Он обдумал услышанную информацию и негромко заговорил:

– Цирк – это большое предприятие, целое хозяйство, мастерские, клетки, загоны, сфера питания как людей, так и зверей, а кроме того – выступления популярных эстрадных артистов, а это деньги! И немалые! Кроме того, множество помещений, сдаваемых в аренду, и прочее, и прочее... Пока не получим хотя бы примерной информации о том, кто в кого стрелял...

– Да в кого стреляли, уже сегодня по телевизору скажут! – проявил свои умственные способности Ромка, а Сергей Иванович кивнул:

– Скорее всего так и будет... Так вот, пока мы не получим дополнительной информации, говорить о чем-либо преждевременно.

Глава 3

В тот день мы на работе уже в третий раз начинали пить кофе, и не знаю, как Маринка, а я считала, что жизнь почему-то перестала проходить стороной. Не только где-то по ту сторону голубого экрана происходили взрывы и пожары, какие-то скандалы и неприятности, но уже и у нас, причем на приличном среднем мировом уровне.

Ромка – наш курьер и самый младший член редакции – во время третьего кофепития для разнообразия сбегал в кондитерскую за печеньем и сочниками и теперь сам их и грыз. Маринка берегла фигуру, у меня не было настроения, а Сергей Иванович – наш Брокгауз-Ефрон и Даль в одном лице – отказался от сладкого без комментариев. Одним словом, компания в редакции подобралась крепко сбитая и дружная, потому что, когда было печально на душе у меня, сучали все, однако веселее от такой сплоченности не становилось.

– О чем еще интересненьком тиснем в завтрашнем номере? – задала я конкретный вопрос, понимая, впрочем, что одного только участия двух наших сотрудников, или, правильнее сказать, «специальных корреспондентов», в сегодняшних перестрелках хватит как минимум на неделю репортажей.

Но форму терять нельзя. Хорошо, конечно, что так произошло: здоровый журналистский цинизм давал о себе знать

– не убили, и слава богу, – но после того, как нервность спала, можно было и подумать о том, что же еще можно было прописать в газете, кроме такого многообещающего происшествия.

Я задала вопрос, осмотрела коллектив и с неудовольствием отметила, что на мой вопрос ответить никто не может. Это было печально.

– И никто не приезжает в наш провинциальный град из политиков и бизнесменов? – сдерживаясь от зевка, спросила я.

– И даже не уезжает. Я имею в виду из заметных людей, – заметил Кряжимский.

– Может быть, придумать сенсацию, если она не происходит? – предложил Ромка, осторожно поглядывая на меня.

– Ну и? – лениво покосилась я на него. – Приведи пример.

– Да запросто. Сообщить, что к нам приезжает Мадонна с новым мужем и собирается дать два концерта по приглашению губернатора.

– Ой, бли-ин! – протянула Маринка. – А почему не Пол Маккартни?

– Если уж сочинять, то так, чтобы было правдоподобно, – заметила я. – Например, дать крупным шрифтом: «От нашего специального корреспондента»...

– «Мадонна на этой неделе в Тарасов не приедет», – тихо сказал Сергей Иванович.

– А ниже дать мелким: «И вообще она сюда не собирает-

сы!» – закончила Маринка.

Ромка захихикал, отчего у него изо рта полетели мелкие крошки печенья. Сергей Иванович скупой улыбнулся, а я опять едва не зевнула.

В это время зазвонил телефон. Я встала, подошла к нему и сняла трубку. Звонил Фима Резовский. Поговорив с ним несколько минут, я почувствовала, что настроение у меня начинает улучшаться – Фима на такие дела мастер. Положив трубку, я с победным видом осмотрела свой коллектив. Под моим взглядом все немного напряглись. Маринка забегала глазами по сторонам, покраснела и потупилась. Интересно, о чем она подумала?

Отложив пока то, что мне сказал Фима, я попробовала ковать железо, пока горячо.

– Все знаю, Мариночка! – сказала я. – Между прочим, с твоей стороны это свинство!

Я понятия не имела, о чем говорю, но весь Маринкин вид говорил о каком-то секрете, который ну просто-таки жаждет вырваться наружу. Я была наудачу, и у меня это получилось! Маринка покраснела еще больше, потом вдруг в ее глазах зажегся боевой огонек.

– Сволочь твой Фима! – крикнула она, раздувая ноздри, как кавалерийская лошадь, почуявшая врага. – Сволочь и болтун!

Мне от этих слов стало сразу же нехорошо. Не то чтобы я была очень уж против этого обвинения – Фима, конечно

же, болтун, но не сволочь, – однако Маринкина реакция породила во мне жутчайшее подозрение.

При чем здесь вообще Фима и Маринка? Уж не случилось ли между ними того, чего Фима безнадежно добивается вот уже несколько лет от меня? Я почувствовала, что краснею до самых корней волос.

– Фима не болтун, – медленно произнесла я. – Просто он честный человек.

Маринка откинулась на стуле назад и выпалила, понимая, что скрывать больше нечего:

– Я же по твоему лицу вижу, что он тебе все рассказал. А обещал молчать!

Самое ужасное предположение получало подтверждение, и я спешно обдумывала, как мне следует себя повести – холодно-равнодушно или же толкнуть речь о том, что человек одинок во Вселенной и верной дружбы не существует. Маринка не дала мне времени додумать и высказалась до конца:

– Мы с ним встретились в химчистке, и он мне дал честное слово, что не скажет тебе о том, что я посадила на твой лиловый костюм пятно!..

Я испытала прекраснейшее чувство облегчения, и даже известие про испорченный костюм прошло как-то стороной. Наверное, это нарисовалось у меня на лице, потому что Маринка внимательно посмотрела на меня и подозрительно спросила:

– А что он сказал?

Я махнула рукой, понимая, что нужно завязывать наш диалог, иначе моя пиррова победа обернется каким-нибудь неожиданным Ватерлоо.

– Потом расскажу, – демонстрируя великодушие, туманно ответила я и, обращаясь уже ко всей компании, объявила: – А почему никто не говорит о том, что у нас в цирке сегодня после вечернего представления, можно сказать даже, глубокой ночью, будет происходить собрание Тарасовского отделения Магического круга номер 166? Или я одна должна добывать новости для нашей газеты?

– Чего? – протянул Ромка и положил обратно на блюдечко кусок недоеденного печенья. – Колдуны, что ли, приехали? А почему же ночью? Это прикол?

Я промолчала, наслаждаясь своей победой.

Сергей Иванович снял очки и протер их стекла платочком. Как старый и тертый зубр журналистики, он предпочел промолчать и дослушать информацию до конца. Маринка, отойдя от потрясения, вызванного мнимым предательством Фимочки, наоборот, молчать не стала.

– Кино такое будут снимать, да? – непонятно почему, предположила она. – Эльдар Рязанов приезжает или Рогожкин?

– А вот мы с тобой пойдем сегодня и все узнаем, – ответила я. – Фима приглашает нас, у него есть три билета. Кстати, скоро он и сам будет со свежими новостями по сегодняшней перестрелке.

Сделав это сообщение, я допила последний глоток из своей чашки. Ну а потом началось то, что и ожидалось. Я не первый день живу на свете и понимаю, что собираться куда-либо – это проблема та еще и здесь одной нервотрепкой не обойдешься, однако собираться выйти в люди с Маринкой – это такое испытание, что, например, добровольная вечеринка в компании с белыми макаками, куда меня звал в прошлый раз Фима, кажется просто детским лепетом, да и вообще – не то сравнение. Пятнадцати минут не прошло после того, как я сообщила, что мы идем в цирк, а мне уже не только не хотелось куда-либо идти, но и вообще кого бы то ни было видеть и слышать.

– Нет, подожди, ты мне скажи, – в сто пятнадцатый раз за десять минут приставала ко мне Маринка с вопросом, – он как сказал, это будет солидное мероприятие или свойская тусовка? Мне надевать черное парадное платье или что?

– Иди в чем есть, – лениво отвечала я, сама находясь в положении не лучше Маринкиного, но мне-то спросить совета было не у кого.

– Издеваешься? – начала подозревать подвох Маринка. – А сама в чем пойдешь? А? В чем?

– В костюме! – не выдержав, рявкнула я. – В деловом костюме, и никак иначе! Я даже переодеваться не собираюсь. Какая может быть свойская тусовка с колдунами? Если хочешь, можешь одеваться, как своя. Только ступу где возьмешь?

Маринка открыла рот и тут же прикрыла его, признав тем самым мою безусловную правоту.

Фима подъехал к шести вечера, к концу рабочего дня, когда мы с Маринкой уже успели и поругаться, и помириться, и все это даже не во второй раз. Я сидела в кабинете и рассматривала разложенные перед собою милые дамские мелочи, так необходимые в моем скромном быту: диктофон, фотоаппарат, сигареты. Дверь открылась, и в кабинет заглянул Фимочка.

– Ого! – воскликнул он. – Наши хищники-журналиги чистят свои арсеналы!

Фима вошел и аккуратно прикрыл за собою дверь. Он был одет, как обычно, в черное пальто и в темно-серый костюм с красным галстуком. Единственным отличием от повседневного имиджа было то, что Фима не держал в руках портфеля.

– Добренький вечерочек, Оленька, – запоздало произнес он и, пройдя в кабинет, сел в кресло у окна.

Не успела я еще ничего ответить, даже улыбнуться не успела как следует, как в кабинет влетела Маринка, боящаяся упустить хоть слово из той ценнейшей информации, которую, как она думала, сейчас начнет разбрасывать Фимочка, и сразу же выпалила:

– Фима! Это колдуны или фокусники?

– Кто? – Фима весело взглянул на нее и, улыбаясь, ответил: – Конечно же, фокусники, я же Оле все объяснил. У них что-то вроде курсов повышения квалификации, профсоюз-

ного собрания и показательного выступления одновременно. Три в одном флаконе. Аренда дорога, они решили сэкономить и собраться во внеурочное время. Вот и все, никакой романтики.

– Фокусники? – недоверчиво повторила Маринка. – А почему же магический круг какой-то? Или это все шуточки? Прикол?

– Никакого прикола, – ответил Фима, разваливаясь в кресле и наслаждаясь возможностью прочесть незапланированную лекцию профанам. – Существует как бы всемирный профсоюз или синдикат фокусников, иллюзионистов и представителей смежных профессий. Каждая страна по какой-то старой традиции называется Магическим кругом с порядковым номером. Наше разлюбезное отечество имеет номер 166. Вот и все. Во все времена фокусники для лучших сборов называли свое ремесло магией. И находились те, кто им верил. Вот как ты сейчас, например.

Пока Фима разглагольствовал, в кабинет просочился весь коллектив редакции, и кофейный столик был накрыт снова.

– Ну что, Ефим Григорьевич, – спросила я, приглашая гостя к столу, – а есть хоть какие-то новости по нашему делу?

– Про покушение на двух самых замечательных девушек тарасовской журналистики? – улыбнулся Фима и покосился на Сергея Ивановича. Наклонившись к нему, он с шутливым выражением лица прошептал: – А то, что я скажу, будет прописано как «из заслуживающих доверия источни-

ков нам стало известно» или «как сообщил нам высокопоставленный работник администрации, пожелавший остаться неизвестным», а?

– Если хотите, Ефим Григорьевич, могу полностью указать все ваши координаты, – серьезно ответил Сергей Иванович, – даже с домашним телефоном.

– Такой известности мне не нужно, – Фима шутливо погрозил пальцем Кряжимскому, – в таких вопросах предпочитаю оставаться в тени-с! Скромность, знаете ли, иногда бывает выгодна.

– То есть хочется побыть добрым гением, но без имени, – немного подольстилась я к Фиме.

Почему бы не сделать человеку приятное, если это почти ничего не стоит? К тому же Фима неоднократно на самом деле доказывал, что он может быть и добрым, и гением, и... ну, в общем, ясно.

– Так! – Фима взял печенье в одну руку, а чашку с кофе в другую. – Что нам известно? – с хорошо отработанной адвокатской интонацией произнес он и сам себе с таким же пылом ответил: – Да почти ничего, к сожалению. Слишком уж мало времени прошло после инцидента, но рад вам сообщить, милые мои дамы, что в глазах наших бдительных правоохранительных органов вы обе вне подозрения. У них даже не возникло мысли о вашем соучастии в этом происшествии.

– Приятно слышать, – ядовито сказала Маринка, – а то я

бы плохо спать начала, все думала, неужели меня подозревают в том, что это я начала стрелять!

– В этом вас не заподозрят, но в другом – могут! – Фима привлек наше внимание, не закончив фразы, и, весьма довольный собою, принялся кушать печенье, запивая его кофеком.

Пауза затянулась, все смотрели на него, а этот юридический паршивец, прожевав печенье, принялся многословно расхваливать Маринкин кофе. Послушав его немного, я не выдержала.

– Ефим Григорьевич, – заметила я, – создается впечатление, что вы хотите похитить у нас Мариночку...

Фима задумался, но только на секунду.

– С величайшей бы радостью, – он лицемерно опустил глазки на столик. – Прекрасный кофе у Мариночки, однако, как говорил кто-то другой в сходной ситуации: «Но я другому отдана и буду век ему верна»... Итак, на чем я остановился?

– На том, что нас заподозрят в другом! – рявкнула Маринка, окончательно потеряв терпение. – Я готова устроить вашей секретарше бесплатные курсы по варке кофе, если хотите, Ефим Григорьевич!

– Не стоит беспокоиться! – Фима понял, что тянуть больше не имеет смысла, да и становится опасно.

– Я слышал как-то одну высказанную мыслишку, как говорится, в кулуарах, о том, что вы, Оля, и вы, Мариночка,

попали в это место и в это время потому, что заранее знали или же догадывались о том, что должно было там произойти. Вот, пожалуй, на эту тему вас и могут немного попытаться раскрутить.

– И не такие пытались! – гордо заявила Маринка, даже не покраснев. Про себя того же не скажу, не знаю, не помню, но я бы так категорически утверждать не взялась.

– Так что же конкретно стало известно про это дело? – настойчиво спрашивала я, потому что понимала, как важно получить информацию поскорее. Сдача номера на носу, а Фима все риторические приемы отработывает...

– Значит, так, – наконец-то начал он. – Машина, на которой приехали двое стрелков, была угнана со стоянки напротив городской мэрии. Как ни странно, но эта стоянка оказалась, наверное, единственной в городе не охраняемой.

– Понадеялись на то, что смелости не хватит? – фыркнул Ромка.

– Вряд ли, скорее всего просто привыкли. Дело в том, что по документам на этом месте стоянки вообще быть не должно. Сначала поставил машину кто-то один, потом второй, а третий уже подумал, что так и нужно. Далее. Кто точно стрелял, неизвестно, но около машины обнаружен один автомат Калашникова и один пистолет «ТТ» без отпечатков пальцев... – Фима все-таки не удержался и, снова сделав паузу, обвел нас всех многозначительным взглядом. – А вот по кому стреляли, уже интересно. Дело в том, что машина, раз-

гружавшаяся напротив одного из служебных входов в цирк, а именно около третьего подъезда, ведущего в подвальные помещения, была арендована оргкомитетом Магического круга и на ней был привезен реквизит некоторых участников. Разгружали все это волшебное добрище штатные грузчики цирка, обычные в общем-то люди, ничем особым себя не запятнавшие.

– А не особым? – уточнил Ромка.

Я скупой улыбнулась, порадовавшись тому, что всегда, когда нужно, рядом со мною находится человек, задающий именно тот глуповато звучащий вопрос, который мне и самой очень хотелось бы задать, да положение не позволяет. Будучи начальником, надо стараться не оказаться в смешном положении. Если хватает сил.

– Ну знаете, молодой человек, – Фима выпил свой кофе и попросил у Маринки еще, – когда речь идет об использовании автоматического оружия, такие мелочи, как систематическое посещение вытрезвителя или осуждение на условный срок по молодости лет особого внимания не привлекают... Что-то здесь не то. Непонятно, зачем нужно было обстреливать грузчиков или реквизит, не представляющий никакой особой ценности? Все содержимое «КамАЗа» было, разумеется, изучено и ничего противозаконного не найдено.

– А откуда появились омовцы, словно рояль в кустах? – спросил Сергей Иванович.

– Это охрана цирка, – объяснил Фима. – Как раз в это вре-

меня проходил внеурочный дополнительный инструктаж подразделений, несущих охрану по договору с руководством. Омоновцы имели при себе штатное оружие, ситуация была ясной, и они это оружие применили. Одним словом, создается впечатление, что произошла ошибка. Покушались не на тех, кто был нужен. Лоханулись киллеры доморощенные, так сказать. Я, честно говоря, тоже так думаю.

– А чей конкретно это был реквизит? – спросила я, пытаюсь нащупать рациональное зерно в действиях налетчиков. В пошлую ошибку верить не хотелось, поэтому приходилось накапливать факты.

– Ты имеешь в виду, не было ли там известнейших иллюзионистов вроде Кио или Копперфильда, с которых можно бы что-нибудь скачать, если их напугать хорошенько? – ментально уловил ход моих мыслей Фима.

– Ну вроде того, – кивнула я, закуривая.

– Нет, это самые обыкновенные люди, артисты среднего звена, ничего выдающегося. Нельзя сказать, что бедные, но и не слишком-то преуспевающие... Так, – Фима посмотрел на свои наручные часы и затем – на меня. – Время приближается к назначенному. Так мы едем или как?

– Фамилии фокусников не помнишь? – быстро спросила я. – Или хотя бы сколько их было?

Фима поморщился:

– Четверо или пятеро. Фамилии слышал, а еще слышал их дурацкие псевдонимы. Чушь какая-то вроде Сикамбр, Аяв-

рик... Одним словом, если тебе нужно, то прямо в цирке и узнаем. Дежурным администратором там – мой старинный приятель. Короче, едем?

– Короче, да! – ответила я, понимая, что тянуть больше нет ни смысла, ни времени.

Договорившись с Сергеем Ивановичем, что он закроет редакцию, мы с Маринкой вышли и чинно уселись в ядовито-зеленую «Ауди» Фимы.

– Если меня сейчас увидит кто-нибудь из знакомых, – пожаловался в пространство Фима, – мне будет страшно возвращаться домой.

Я сделала вид, что не расслышала, а Маринке и делать вида не пришлось. Ей вдруг померещилось, что у нее потек левый глаз, и она, вынув зеркальце из сумки, продемонстрировала свое полное отсутствие в салоне. Фима, не дождавшись реакции на свои слова, вздохнул и надавил на газ.

Здание цирка, расположенное почти в центре города, выглядело, как всегда: только по причине нескончаемых зимних праздников сверкало и подмигивало разноцветной иллюминацией. Немного возбужденная воспоминаниями, я тщательно осматривала окрестности, словно собиралась увидеть выпрыгивающих из темноты убийц, но ничего подобного не произошло. Если кто и шлялся рядом с цирком, так это встречающиеся парочки, традиционно назначившие здесь свидание. Фимочка поставил свою «Ауди» во дворе, почти напротив хорошо знакомого мне служебного подъез-

да, и, выйдя наружу, проворно обежал перед фейсом своей иномарочной подруги, распахнув передо мной дверь.

– Прощу вас, мадемуазель, – подчеркнуто церемонно произнес он.

Такую же операцию Фима проделал и с Маринкой, но эта швабра не удержалась, чтобы не повыпендриваться. Она изобразила на личике замешательство и повисла на руке Фимы, пугливо озираясь. Просто поразительно, на какие дешевые трюки ловятся эти мужики, особенно считающие себя очень умными!

– Ты уверен, что стрелять не будут? – прощebetала Маринка, судорожно засопев и пытаясь изобразить, что не в силах преодолеть свою внутреннюю дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.